

УДК 340.12
DOI 10.52452/19931778_2021_2_123

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА. ЕДИНСТВО ПОДХОДОВ?

© 2021 г.

Д.С. Миц

Парламентская ассамблея Организации Договора о коллективной безопасности, Санкт-Петербург

a-83@bk.ru

Поступила в редакцию 15.05.2020

Антитеррористическая политика зависит от активности государственных и общественных структур. Авторская позиция – новые антитеррористические требования и политика взаимосвязаны. При этом политическая идеология государства и идеология терроризма фиксируются в бытии человечества при разном уровне реализации антитеррористической функции государства.

Выдвигается авторская идея о целесообразности продвижения проблематики политической ответственности. Для этого требуется ценностно-нормативный консенсус общества, устанавливаемый посредством идеологии. Функциональные выгоды приобретения зависят от политического социума. В свою очередь, ведущим направлением данной функции является государственное реагирование. Указанное реагирование связано с вектором наступательности, что вызывает организационно-правовые противоречия. В статье рассмотрены данные противоречия и рекомендованы пути их урегулирования.

Ключевые слова: антитеррористическая функция; реагирование; обеспечение; глобализация; идеология; политика; безопасность.

Введение

Становление глобального информационного общества на основе использования компьютерных и информационных технологий протекает с разной степенью интенсивности во всем мире [1, с. 3]. Информационное общество затронуло сферы политики и права, что стало предметом оценки этих изменений. В центре внимания исследователей при изучении политико-правового потенциала информационно-коммуникационных технологий оказалась не столько информация, сколько коммуникация в публичной сфере [2, с. 5]. Эволюционные процессы в обществе и государстве влияют на человека, его миропонимание, поведение и образ жизни. Эти метаморфозы влекут положительные изменения социума, но также становятся причинами и условиями возникновения и катализаторами развития негативных социальных явлений [3, с. 42].

Политико-правовая система рассматривает глобализацию на основе универсализации актуальных общественно-политических и правовых взаимосвязей и отношений. Глобализация обеспечивает в масштабах всей планеты приведение стилей и форм жизни в обществе к единому знаменателю. Она также представляется исследователями как коммуникационная платформа на основе универсальных стандартов построения и деятельности политических правовых систем и институтов [4, с. 168].

Процессы глобализации являются следствием современного развития мирового социума. В

этой связи государственное регулирование социального процесса учитывает специфику современного глобализационного процесса. При этом целесообразно осуществление постоянной адаптации к изменяющимся внешним условиям с учетом естественных процессов увеличения числа связей между различными общественными системами в условиях взаимного проникновения культурных норм и социально-политических моделей.

Существенным образом усложняет социальную регуляцию общественного процесса сочетание внешних дестабилизирующих факторов и наполненности информационного пространства различными альтернативными моделями социально-политического устройства.

Трансформация проявлений терроризма и осмысление подходов к противодействию ему

Степень эффективности управления зависит от характера управленческой деятельности в конкретных ситуациях. Комплексный анализ данных ситуаций сопряжен с просчетом основных условий развития управляемой системы и наиболее вероятных сценариев протекания управленческих процессов, что способствует эффективному регулированию социальных процессов, независимо от их масштаба [5, с. 39–40]. Например, власти Великобритании прилагают значительные усилия для противодействия

как исламистскому, так и ультраправому радикализму, используя для этого различные информационно-разъяснительные программы, такие как Prevent Scheme («Профилактика») и Building Stronger Communities («Укрепление общин») [6, с. 36]. Правительство Шри-Ланки рассматривает целый пакет антиэкстремистских законопроектов, за основу которых взято анти-террористическое законодательство Великобритании. Так, предполагается применять более жесткие меры в отношении прибывающих в эту страну участников боевых действий и лиц, прошедших подготовку в зарубежных тренировочных центрах [7, с. 42]. В США при реализации программ противодействия так называемому насильственному экстремизму эксперты разработали следующий комплекс мер:

1) обеспечить включение максимально широкого круга представителей различных социальных слоев общества, некоммерческих организаций и фондов в деятельность по противодействию насильственному экстремизму;

2) обобщить мнения и предложения профессиональных кругов относительно практикующихся и перспективных методов работы в рассматриваемой области;

3) стимулировать разработку программ по дерадикализации, реабилитации и реинтеграции в общество лиц, подозреваемых в экстремизме или уже осужденных, используя опыт других государств;

4) активизировать проведение междисциплинарной исследовательской работы в области противодействия насильственному экстремизму с участием научных и образовательных учреждений, социальных служб и иных профильных организаций;

5) расширить спектр образовательных программ для сотрудников Министерства внутренней безопасности и Федерального бюро расследований США, повысить материальное обеспечение этих ведомств. Разработать специализированные курсы подготовки сотрудников органов полиции, ответственных за работу с членами мусульманских общин и иных местных сообществ [8, с. 61].

При этом многие правоведы требуют вынесения более жесткого приговора, который интерпретируется экспертами как официальная оценка министром США степени серьезности совершенного преступления. Хотя руководство ФБР признает тот факт, что «внутренним экстремистам» выносились обвинения, в которых отсутствовал как таковой «террористический след». Федеральные прокуроры объясняли свои решения большей эффективностью легких наказаний в подобных делах [9, с. 18–19].

Следует отметить, что социально-политическая система характеризуется наличием ряда внутренних механизмов, функционирование которых направлено на сохранение ее стабильности и жизнеспособности [10, с. 32]. В России принят целый ряд концепций и стратегий по приоритетным направлениям внутренней и внешней политики, но отсутствует единый доктринальный юридический документ о модернизации государства, власти и общества, в роли которого могла бы выступить концепция правового обеспечения модернизационной политики в Российской Федерации – научно обоснованный программный документ, закрепляющий общие стратегические направления совершенствования правового регулирования модернизационных правоотношений, основные приоритеты, цели, средства, способы и направления развития политико-правовой жизни российского общества в условиях его всесторонней модернизации [11, с. 38].

Международный терроризм в современном обществе обусловлен процессами глобализации, что принимает синтезируемые формы криминального терроризма с политическим, национальным и религиозным. Облик терроризма видоизменился в аспекте сотрудничества с преступными сообществами: наличие структурных криминальных подразделений; значительное финансово-экономическое оснащение; способность вести войны и участвовать в масштабных вооруженных конфликтах [12, с. 18]. При этом идеология терроризма трансформировалась в острый вопрос национальной и международной безопасности благодаря политическим манипуляциям вокруг общественного мнения о власти и справедливости. Снижая уровень публичного порядка в стране и подрывая национальный суверенитет государства, террористы редко получают каких-либо зримые политические привилегии. Мотивы и причины терроризма во многом определяются теми антитеррористическими мерами, на которые террористы провоцируют законную власть, оказывая влияние на критические для авторитета власти сферы государственного управления. Конечная цель идеологии современного терроризма – дискредитация власти как на уровне государственного аппарата в целом, так и на индивидуальном уровне политических лидеров. Раскручивая спираль насилия и демонстрируя слабость власти, идеологи терроризма максимизируют собственные возможности для пребывания у власти в группах, где они способны доминировать.

Крах идеологии терроризма возможен только в плоскости массового сознания, наделенного базовыми знаниями в области политологии и

права, где понимание политической обстановки в стране исключает проявление нерациональной ненависти и панического страха. Антитеррористическое мировоззрение как фактор предполагает не только легитимное применение силы против террористов, но и взаимное доверие власти и гражданского общества [13, с. 14].

Фактор как совокупность причин и условий однороден по своему воспроизводству, а также воздействию со стороны антитеррористических субъектов. Факторный анализ как элемент активного прогнозирования способствует выявлению различных политико-правовых противоречий (то есть предконфликтного состояния), которые воздействуют на правоотношения в сфере антитеррористической деятельности, с учетом важности эффективных политических ресурсов.

Антитеррористические политические ресурсы в наибольшей степени активизированы на профилактическом антитеррористическом участке. Антитеррористическая функция государства обновляется за счет оптимизации разных политических механизмов. При этом антитеррористическая политика и антитеррористическая функция государства могут иметь элементы противоречия, а также катализатора для активизации.

Зарубежные эксперты приходят к парадоксальному выводу о том, что профилактике и искоренению экстремизма внутри стран мешает чрезмерная увлеченность национальных спецслужб вопросами международного сотрудничества. Осуществлен пересмотр многих направлений взаимодействия, в том числе в рамках альянса «Пять глаз» и борьбы с террористическими организациями «Аль-Каида» и «Исламское государство» при одновременной активизации работы на национальной территории [14, с. 14–16].

Сущность террористических проявлений связана с влиянием на политические решения отдельного взятого контекста. Поверх террористических проявлений всегда отчетливо выделяются политические запросы и ожидания. В этой связи для предупреждения подобных проявлений есть необходимость выработки комплекса мер по дальнейшей оптимизации политической безопасности. Политическая профилактика, подразделяемая на общую (широкий адрес воздействия) и частную (конкурентный адрес воздействия), выстраивается с рядом особенностей, которые можно сформировать как «решение, требующее постоянного и широкого согласования». Совершенствование управленческого механизма реализации антитеррористической политики предполагает выстраивание политической координации как элемента антитеррористической функции государства. При этом антитеррористическая политика государ-

ства должна быть нацелена на исправление духовного и нравственного несовершенства человека [15, с. 69].

Существенное методологическое значение для политической системы общества имеют новые требования к антитеррористической функции государства в объективных условиях, в том числе условиях глобализации, что выделяет ее как академическое обеспечение, которому свойственно последовательное научное разрешение поставленных вопросов [16, с. 85].

Противодействие идеологии терроризма включает в себя комплекс организационных, социально-политических, информационно-пропагандистских мер по предупреждению воспроизводства и распространения в обществе убеждений, идей, настроений, мотивов, установок, направленных на коренное изменение существующих социальных и политических институтов государства [17, с. 185].

Практика по данному вопросу в современных условиях актуализируется; так, борьба за сознание – это наиболее острый и ощутимый мотив для оптимизации информационного противодействия терроризму и экстремизму. Политика позволяет установить связь между государством и личностью. При объективных проблемах в реализации политического обеспечения информационного противодействия экстремизму и терроризму есть причина задуматься о целесообразности поиска новых технологий «отражений» идеологических угроз и вызовов информационной войны.

Нерешенность данной проблематики порождает различные, в том числе социально-политические, конфликты. Следует отметить, что усугубляет данную проблематику последовательное вытеснение гражданских структур из поля публичной политики, из механизмов выработки государственно-управленческих решений.

Требуется под эгидой антитеррористической функции государства развивать все сферы политической деятельности личности, общества и самого государства.

Антитеррористическая безопасность неотъемлема от социального, экономического и регионального развития. При этом из международной политики можно подчеркнуть много практических идей, в первую очередь связанных с отражением вызовов глобализации и укреплением национальной политики, в том числе в области прав и свобод человека.

При этом понятие «свобода» имеет ярко выраженную идеологическую, политическую и правовую окраску. Она воспринимается как выражение требования, предъявляемого возможным актором, то есть субъектом-человеком, к

которому это слово обращено и для которого имеет смысл [18, с. 39]. В этой связи конституционные основы государства воздействуют на профилактику терроризма. И хотя, по мнению силовиков, профилактические антитеррористические мероприятия не всегда эффективны, однако профилактическая политика, реализуемая антитеррористическим несилевым блоком, медленно, но устойчиво набирает оборот. От данного антитеррористического несилевого блока зависит устойчивое развитие государства как второго (после состояния защищенности) поля обеспечения национальной безопасности. При этом «первое поле» – состояние защищенности, управляемое антитеррористическим силовым блоком, создает комплекс мероприятий, структурно-логически противоречащих рассматриваемому второму полю – устойчивому развитию.

Национальная идея является определяющим фактором национальной идентичности и сплоченности, позволяющей отвечать на вызовы и угрозы безопасности. Нормативная правовая база участия граждан в обеспечении безопасности – еще недостаточная разработка, что затрудняет развитие указанной идеи и негативно отражается:

- 1) на правосознании граждан;
- 2) на правовой и политической культуре;
- 3) на доверии личности к праву и государственным (общественным) институтам;
- 4) на террористической и криминогенной обстановке [19, с. 34].

Проявлять деятельность на уровне института власти способны только крупные социальные группы, имеющие вес в сфере политического влияния. Подобные социальные группы характерны для институтов экономики (корпорации), политики (государства) и религии (религиозные организации). При этом, в отличие от экономического и политического институтов, религиозные организации могут обладать определенной политической автономией от государства [20, с. 83].

«Масштаб организации общественной структуры, динамика протекающих процессов – все это выводит системные проблемы на качественно новый уровень как по масштабу последствий, так и по интенсивности развития» [21, с. 289]. Данный «социальный порядок» (взаимодействия, отношения, практики, институты и организации) является гуманным в той мере, в которой обеспечивает каждому участнику условия для полноценной жизни, что включает свободу жить по своему разумению и продолжать род, защиту достоинства и неотъемлемых прав, возможности стремиться к счастью, достигать свои цели и ценности [22, с. 250].

Наряду с рассматриваемой антитеррористической проблематикой в современной России активно регулируется сфера информационного противодействия терроризму и экстремизму, которая нуждается в соответствующем политическом анализе на предмет взаимодействия с институтами гражданского общества.

В этой связи политическое обеспечение выстраивается в два направления:

- 1) радикализация молодежи и иной уязвимой части населения страны;
- 2) радикализация в пенитенциарной системе.

С учетом указанного следует вывод о целесообразности идеологического обеспечения посредством «профессиональных» идеологов, способных сплотить вокруг себя единомышленников.

Для предотвращения угроз антитеррористической безопасности необходимо обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, повысить потенциал и рост национальной экономики, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом в целях реализации гражданами Российской Федерации права на жизнь, безопасность, труд, жилье, здоровье и здоровый образ жизни, на доступное образование и культурное развитие [23, с. 99].

Однако изменчивость политических ценностей и интересов крупных групп социума выводят на уровень несудебных ухищрений, что воспроизводит комплекс негативных факторов. Тенденция информатизации общества имеет свои плюсы и минусы. При этом неумение видеть плюсы, а также применить их переходит в будущем в арсенал минусов. Главным свойством современного общества является поспешность принятия необдуманных мер, реализация которая создает массу проблем, в том числе для системы антитеррористической функции государства. Политические процессы – это в первую очередь элементы антитеррористической функции государства. Политическое обеспечение в условиях «политического вакуума» по-прежнему является острым научным вопросом.

Социальная система претерпевает ряд трансформаций, в результате которых происходит развитие системы и актуализация проблем локального уровня, которые образуются в силу неодновременности и несогласованности процесса социальной трансформации. Локальные противоречия как срединное звено имеют свою крайнюю точку – институциональные противоречия на уровне личности [24, с. 55]. «Облик» коммуникационной системы общества постоянно меняется, все чаще фиксируется как распространение ее «ареала» (классические средства

массовой информации дополняются инновационными средствами массовой коммуникации), так и нарастание дисфункционально-дезорганизационных тенденций [25, с. 230].

Механизм оптимизации в современных условиях позволяет выявить в системе антитеррористической функции государства «пустоты» и заполнить их в соответствии с национальными интересами современной России. При этом важен институт политической ответственности, который позволит активировать политико-правовой режим – законность, без существующего формализма, что можно определить как основной «тормоз» движения, развития антитеррористической функции государства.

С учетом изложенного, совершенствование управленческих механизмов системы обеспечения политических решений связано с национальной безопасностью. Современная юридическая практика свидетельствует, что реализация политико-правовых решений основывается на временных потребностях служебной деятельности без должного теоретического обоснования или сводится к умозаключительному нормотворчеству и применению правовых норм без учета закономерностей развития практической деятельности [26, с. 47].

Специальные уровни формирования и реализации политико-правовых решений в зависимости от политической и оперативной обстановки могут быть выстроены на высоком уровне. Современная профилактика террористических проявлений включает в себя различные элементы, силы и средства, в этом поле достаточно сложно перенять и транслировать знания и прогнозировать эффективную модель (механизм). При этом направления борьбы и минимизации в сфере противодействия терроризму зависят от оценки на высшем уровне, что создает неоднозначность такого мотивированного решения.

Благодаря лидерам антитеррористического фронта выстраивается эффективное национальное и международное антитеррористическое сотрудничество. Однако в современных условиях возникает проблема, связанная с отсутствием должного баланса и пределов модернизации антитеррористической деятельности.

Недостатки действующей государственной власти и общественных отношений усиливают террористическое сознание. Следует отметить, что нравственно-правовое измерение связано с антитеррористической функцией государства.

Представители институтов гражданского общества оказывают плодотворное воздействие на снижение конфликтности среди наиболее уязвимых категорий социума. При этом социальная безопасность личности, общества и государства находится в стадии формирования.

Терроризм оценивается международной общественностью не только как криминальное явление, заключающееся в совершении террористических актов и иных преступлений террористической направленности, но и как идеология насилия, нуждающаяся в эффективных мерах противодействия [27, с. 53].

Антитеррористический замысел стран-«единомышленников» находится в стадии постоянного согласования. Международный подход заметно разобщен по многим проблемам, в том числе понятийного аппарата («терроризм», «противодействие терроризму» и другие понятия), что создает условия неопределенности в противодействии внутригосударственному и трансгосударственному терроризму.

Организационно-правовые основы противодействия международному терроризму влияют на национальную антитеррористическую политику. Важно наравне с внешним антитеррористическим сотрудничеством выстраивать и внутреннее антитеррористическое сотрудничество. Социальные системы воздействуют на оптимизацию международной и национальной безопасности. Успех антитеррористической функции государства зависит от согласованности международной общественности с учетом принципов антитеррористической политики.

Под принципами антитеррористической политики следует понимать обязательные для антитеррористических субъектов законодательные, правовые и иные руководящие положения, то есть правила без исключений, основные исходные начала, обусловленные социальными потребностями и закономерностями общественного развития, направленные на реализацию задач антитеррористического законодательства [28, с. 16].

Многие факторы, связанные с обеспечением национальной безопасности, дублируются в ходе противодействия терроризму. Антитеррористическая функция государства успешно разворачивает свое осуществление на этапе воспроизводства радикализма как раннего проявления вражды и ненависти, а также экстремизма. Антитеррористическая работа на подступах данных деструктивных явлений постоянно ставится под сомнение представителями гражданского общества при информационно-политическом воздействии стран-недоброжелателей под лозунгом защиты от вторжения в общественную и политическую жизнь граждан.

При этом антитеррористическую функцию государства можно обозначить практически как национальную идею, и это не случайно – череда трагических событий в разных уголках мира потребовала эффективной борьбы на идеологических платформах.

Цели, задачи антитеррористической политики могут быть реализованы государством только во взаимодействии с различными социальными системами, включая структуры общества. Основой их реализации являются принципы, позволяющие определять стратегические и тактические направления деятельности государства в сфере противодействия терроризму [29, с. 18].

От уровня социальной системы антитеррористической функции государства зависит рост трансформации терроризма. Наиболее качественное информационное противодействие терроризму и экстремизму возможно при условии выявления, предупреждения и пресечения социальных факторов, способствующих распространению и воспроизводству проявлений терроризма.

Государственное социальное реагирование на террористические проявления, а также на проявление экстремизма и радикализма позволит блокировать воспроизводство любых негативных факторов. Применение комплекса социальных мер будет затруднительно в условиях стагнации развития общегосударственных социальных систем, которые выстраивают устойчивую антитеррористическую модель защиты социума. При этом социальная безопасность зависит от развития социального государства.

Следует отметить, что государственное реагирование, направленное на сокращение возможных рисков, и минимизация их вредоносных последствий с опорой исключительно на силовую блок генерирует в обществе страх перед контрольно-карательной мощью государственного аппарата. При этом не снижает опасности от внутренних и внешних рисков, а увеличивает ее [30, с. 319].

Государственная антитеррористическая позиция как наступательность связана не только с профилактикой терроризма. Баланс наступательности должен быть реализован на всех антитеррористических направлениях.

Государственное реагирование определенным образом связано с негласной деятельностью специальных антитеррористических субъектов. Данная сторона реагирования является предметом дискуссии между представителями гражданского общества на информационных площадках. Следует отметить, что данный процесс находится под контролем многих государственных структур, в том числе внутриведомственного характера.

Гражданское общество в условиях развития социальных противоречий пытается добиться от государства режима гласности в антитеррористической деятельности, тем самым способствуя «обнажению» перед террористами и госу-

дарствами-недоброжелателями тактики и методики специальных антитеррористических мероприятий, содержащих государственную тайну.

Таким образом, социальные противоречия в современных условиях особым образом воздействуют на антитеррористическую функцию государства.

Адекватность антитеррористического реагирования

Гибридная война с элементами террора против России ведется не за ее ресурсы и территории, а за сознание россиян. В этой связи в сознании меняется отношение к революционному социально-экономическому и общественно-политическому развитию страны. Западная и террористическая пропаганда пытается достичь обострения социальных и иных противоречий на территории Российской Федерации [31, с. 282].

Полноценная социальная безопасность личности, общества и государства остается центральным инструментом оперативного выявления и локализации негативных социальных противоречий. Взаимодействие с данным инструментом позволит оптимизировать важные профилактические задачи антитеррористической функции государства. Наличие противоречий подразумевает возможность их преодоления посредством социального диалога.

Социальные противоречия как фактор учитываются в системе антитеррористической функции государства. При этом социальные противоречия гражданского общества выделяются как наиболее угрожающие воздействия на организационно-правовые решения всех ветвей власти и иных государственных структур.

Антитеррористическое профилактическое преодоление социальных противоречий – это постоянный поиск путей взаимодействия социального устойчивого развития и социальных интересов, а также соответствующая оптимизация.

Следует отметить, что социальный диалог и антитеррористическое сознание способствуют улучшению морально-психологического климата при отсутствии государственной идеологии. Однако противоречия гражданского общества создают ощутимую угрозу национальной безопасности [31, с. 297]. Социальные потрясения и противоречия устраняются социальными средствами государственного реагирования. Данные возможности целесообразны для антитеррористической функции государства, в том числе по вопросам профилактического обеспечения.

Процесс распределения задач между участниками реализации и поддержания противоре-

чий, связанных с развитием гражданского общества, происходит под наблюдением функционеров экстремистских и террористических структур. Затянувшийся социальный конфликт способен, в том числе при «опеке» экстремистов и террористов, трансформироваться в экстремистские и террористические проявления.

Таким образом, процесс воспроизводства социальных конфликтов, экстремистских и террористических проявлений – един. Следует отметить, что низкое взаимодействие федерального центра и муниципалитетов, а также иных заинтересованных структур способствует росту социальных конфликтов. При этом в условиях нравственно-правового самоограничения государство осознается как ценностно-смысловая система, способная обеспечить баланс интересов личности, общества и самого государства [32, с. 16].

Нравственно-правовое измерение должно учитываться во всех механизмах государственного реагирования. При этом индивидуальное восприятие данных процессов в социуме зависит от его нравственно-правовых измерений. Антитеррористический иммунитет социума будет деформированным при устойчивом воспроизводстве социальных конфликтов и отсутствии ответных правосоставительных мер со стороны уполномоченных структур. На международном уровне как трансляторе базовых научно-правовых идей для заинтересованных государств не рассматриваются вопросы нравственно-правового измерения. В этой связи проблематика нравственно-правового измерения в контексте антитеррористической функции государства заслуживает должного внимания в системе научно-правового обеспечения. Данная система позволит определить современный вектор профилактики терроризма, в частности повысить уровень формирования антитеррористического сознания.

При этом метаюридические критерии оценки гуманитарной антитеррористической функции государства зависят от содержания субъективного восприятия, которое практически нечетко и различно [33, с. 136]. Мониторинг социально-общественной обстановки на базе Федерального агентства по делам национальностей Российской Федерации (ФАДН России) осуществляется на должном уровне, при помощи его оцениваются различные ситуации, которые индивидуальным и массовым террористическим сознанием могут быть восприняты как «руководство к действию».

Политологами выделяется новый социально-политический инструмент межгосударственного воздействия – так называемая мягкая сила, которая позволяет «усыплять» иммунитет гражданского общества при деструктивном воз-

действии вероятного противника и замедлять все здоровые процессы политического организма государства.

Таким образом, данный инструмент с учетом особенностей террористического сознания будет активно применяться в будущем.

Заключение

Усложняются процессы правового регулирования антитеррористической функции государства, что связано с потенциалом комплексных категорий, в частности процессов правостимулирующей политики и взаимодействия объемных блоков правовых средств [34, с. 157].

Во избежание лишних финансово-экономических затрат, социальных издержек, а также создания управленческих сложностей целесообразен взвешенный подход к модернизации антитеррористической деятельности.

Следует предвидеть и избегать негативные свойства модернизации, в том числе в процессе формирования и реализации специальной методики, разработанной Аппаратом Национального антитеррористического комитета и утвержденной Президентом Российской Федерации. Данная методика будет реальной при учете специфики антитеррористической функции государства.

Следует отметить, что для антитеррористической функции государства целесообразны каналы правового взаимодействия. Эта тенденция связана с особенностями обеспечения национальной безопасности:

- 1) сложности межведомственной координации;
- 2) сложности международного сотрудничества.

Антитеррористическая функция государства в современных условиях учитывает мнение международной общественности по актуальным вопросам противодействия терроризму. Мировоззрение личности является объектом воздействия со стороны модераторов террористического сознания, что создает условие для попыток подмены действующей государственно-общественной системы.

Анализ основных факторов террористической направленности отражает динамику изменений нравственно-правовых измерений, где социальные противоречия при определенных условиях могут войти в основу деструктивного комплекса «радикализм – вражда и ненависть – экстремизм – терроризм». В этой связи формирование гражданского общества – важная особенность государственного процесса, способствующая оптимизации антитеррористической функции государства. Подобные и иные совре-

менные процессы правового регулирования противодействия терроризму имеют тенденцию устойчивой модернизации.

Список литературы

1. Кубякин Е.О., Карнаушенко Л.В., Куликов Е.М., Городенцев Г.А. Экстремизм в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 102 с.
2. Ветютнев Ю.Ю. Проблемы и перспективы информационного общества: теоретико-правовой взгляд // Аграрное и земельное право. 2018. № 7 (163). С. 4–8.
3. Буткевич С.А. Семья как институт предупреждения экстремизма и терроризма (правовые и социальные аспекты) // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 1. С. 42–47.
4. Фену Ф., Слинко А.А. Глобализация в современном мировой политике // Проблемы эффективности государственной власти: внешние и внутренние факторы динамичного развития России. Материалы 5-й межрегиональной научно-практической конференции / РАНХиГС. Воронеж, 2019. С. 167–171.
5. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Противодействие социальной деструктивности в условиях глобальной трансформации общества: управленческий аспект // Человек. Общество. Инклюзия / Московский государственный гуманитарно-экономический университет. 2016. № 2-1(26). С. 35–40.
6. Weaver M. Mass shooting of Muslims could happen in UK, says minister // The Guardian. 2019. March 18. P. 31–37.
7. Francis K. Sri Lanka PM: Country must prepare for new terrorism phase // The Associated Press. 2019. August 6. P. 40–45.
8. Rosand E., Winterbotham E. Current Global CVE Agenda is a Mixed Bag, but Don't Throw it out / Just Security. 2018. October 10. P. 60–63.
9. Aaronson T. The Domestic Terrorism Law the Justice Department Forgot // The Intercept. 2019. March 23. P. 16–20.
10. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Типология стабилизационной деятельности в контексте проблемы социальной деструкции // Человек. Общество. Инклюзия / Московский государственный гуманитарно-экономический университет. 2016. № 4 (28). С. 32–37.
11. Ишеков К.А. Модернизационные процессы в контексте человеческого измерения // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2017. № 2 (47). С. 34–39.
12. Кубякин Е.О., Горбенко А.И. Противодействие террористическим угрозам на федеральном и муниципальном уровнях трансформирующегося российского общества: социологический анализ // Вестник Московского государственного гуманитарно-экономического института. 2014. № 3 (19). С. 16–19.
13. Кириленко В.П., Алексеев Г.В. Противодействие идеологии современного терроризма // Управленческое консультирование. 2018. № 5 (113). С. 8–18.
14. Ford M. Christchurch attacks royal commission get underway behind closed doors // ABC. 2019. May 13. P. 12–16.
15. Максимов С.В., Валуйсков Н.В. Асистемная уголовная политика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2018. № 2 (49). С. 63–69.
16. Киречек Е.В. Национальная безопасность, национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации в контексте обеспечения прав человека // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика / Владимирский юридический институт ФСИН России. 2016. № 4 (10). С. 85–89.
17. Правовая деятельность: Коллективная монография / Отв. ред. Г.Б. Власова. Ростов-на-Дону: Наука-Спектр, 2018. 316 с.
18. Поляков А.В. Дефицит свободы как политико-правовая проблема // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2018. № 4. Т. 13. С. 37–56.
19. Федотова Ю.Г. Национальная идея как основа современного правопорядка и безопасности Российской Федерации // Российское право онлайн. 2018. № 4. С. 26–37.
20. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Социологическое исследование предпосылок возникновения экстремизма // Экстремизм и его негативное влияние на уровень национальной безопасности России: криминологический и экономический аспекты. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Краснодарский университет МВД России, 2015. С. 78–83.
21. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Феномен социального сознания как интенциональный ориентир исследования проблемы экстремизма // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 289–293.
22. Розов Н.С. Критерии гуманности социальных порядков и амбивалентность организационного насилия // Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности: Сб. науч. тр. Всеросс. науч. конф. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. С. 248–252.
23. Карабаш Д.В., Горбенко А.И., Кубякин Е.О. Антитеррористическая безопасность на муниципальном уровне в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: социологический анализ. Краснодарский университет МВД России, 2016. 108 с.
24. Кубякин Е.О., Плотников В.В. Социокультурная детерминированность индивидуальной деятельности. Анализ факторов социальных противоречий // Философия права / Ростовский юридический институт МВД России. Ростов-на-Дону, 2016. № 1 (74). С. 55–58.
25. Куликов Е.М., Кубякин Е.О., Плотников В.В. Экстремизм как социально-управленческая проблема трансформирующегося российского общества // Общество и право / Краснодарский университет МВД России. 2016. № 4 (58). С. 230–234.
26. Хабибулин А.Г. Методологические основания правоупонимания: единство юридической практики, теории и философии права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 9. С. 45–48.

27. Романовский Г.Б. Правовые основы противодействия терроризму в странах Западной Европы: проблемы теории и практики // Вестник Пензенского государственного университета. 2018. № 2 (22). С. 50–54.

28. Кузнецов А.П. Принципы уголовной политики // Общество и право / Краснодарский университет МВД России. 2017. № 1 (59). С. 13–17.

29. Кузнецов А.П. Криминализация – декриминализация, пенализация – депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 16–18.

30. Ромашов Р.А. Субъекты правового риска // Юридическая техника / Нижегородская академия МВД России. 2019. № 13. С. 316–319.

31. Общая теория государства и права: Учебник / Под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касаевой. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. 392 с.

32. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Нравственно-правовое измерение пределов государственной власти // Право и современные государства / Фонд «Консалтинга и правовой защиты населения». 2015. № 6. С. 10 – 17.

33. Цыбулевская О.И., Милушева Т.В., Михайлов А.Е., Касачева Т.В. Научно-методологический семинар «Методология исследования проблем ограничения публичной власти» (Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 28 октября 2014 г.) // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 1 (46). С. 127–136.

34. Цыбулевская О.И. Рецензия на книгу Лебедева Е.Н. Правостимулирующая политика в современной России: общетеоретический аспект / под ред. А.В. Малько. Саратов: Издатель ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия». 2014. 208 с. // Вестник Поволжского института управления. 2015. № 2 (47). С. 155–158.

THE ANTI-TERRORISM FUNCTION OF THE STATE – THE UNITY OF APPROACHES?

D.S. Mits

Anti-terrorism policy depends on the activity of state and public structures. Author's position – new anti-terrorism requirements and politics are interconnected. Moreover, the political ideology of the state and the ideology of terrorism are fixed in the existence of mankind at a different level of implementation of the antiterrorist function of the state.

The author puts forward the idea of the advisability of promoting the issue of political responsibility. This requires a value-regulatory consensus of society, established through ideology. Functional benefits depend on political society. In turn, the leading direction of this function is government response. The specified response is associated with the offensive vector, which causes organizational and legal contradictions. The article considers these contradictions and recommends ways to resolve them.

Keywords: anti-terrorist function; response security; globalization; ideology; policy; security.

References

1. Kubyakin E.O., Karnaushenko L.V., Kulikov E.M., Gorodentsev G.A. Extremism in the context of the progress of information and computer technologies. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 102 p.

2. Vetyutnev Yu.Yu. Problems and prospects of information society: a theoretical and legal view // Agrarian and land law. 2018. No. 7 (163). P. 4–8.

3. Butkevich S.A. The family as an institution for preventing extremism and terrorism (legal and social aspects) // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1. P. 42–47.

4. Fenu F., Slinko A.A. Globalization in modern world politics // Problems of the effectiveness of state power: external and internal factors of the dynamic development of Russia. Materials of the 5th interregional scientific and practical conference. RANEPА. Voronezh, 2019. P. 167–171.

5. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. Counteraction of social destructiveness in the conditions of global transformation of society: management aspect // Person. Society. Inclusion / Moscow State University for the Humanities and Economics. 2016. No. 2-1(26). P. 35–40.

6. Weaver M. Mass shooting of Muslims could happen in UK, says minister // The Guardian. 2019. March 18. P. 31–37.

7. Francis K. Sri Lanka PM: Country must prepare for new terrorism phase // The Associated Press. 2019. August 6. P. 40–45.

8. Rosand E., Winterbotham E. Current Global CVE Agenda is a Mixed Bag, but Don't Throw it out / Just Security. 2018. October 10. P. 60–63.

9. Aaronson T. The Domestic Terrorism Law the Jus-tice Department Forgot // The Intercept. 2019. March 23. P. 16–20.

10. Kulikov E.M., Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. Typology of stabilization activity in the context of the problem of social destruction // Person. Society. Inclusion / Moscow State University of Humanities and Economics. 2016. No. 4 (28). P. 32–37.

11. Ishekov K.A. Modernization processes in the context of the human dimension // Bulletin of the Institute of Legislation of the Republic of Kazakhstan. 2017. No. 2 (47). P. 34–39.

12. Kubyakin E. O., Gorbenko A. I. Counteraction to terrorist threats at the federal and municipal levels of the transforming Russian society: a sociological analysis // Bulletin of the Moscow State Humanitarian and Economic Institute. 2014. No. 3 (19). P. 16–19.

13. Kirilenko V. P., Alekseev G.V. Counteraction of the ideology of modern terrorism // Administrative consulting. 2018. No. 5 (113). P. 8–18.

14. Ford M. Christchurch attacks royal commission get underground behind closed doors // ABC. 2019. May 13. P. 12–16.

15. Maksimov S.V., Valuisikov N.V. Asystemic criminal policy // *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notariate*. 2018. № 2 (49). P. 63–69.
16. Kirichek E.V. National security, national interests and strategic national priorities of the Russian Federation in the context of ensuring human rights // *Penitentiary Law: legal theory and Law Enforcement practice / Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. 2016. No. 4 (10). P. 85–89.
17. *Legal activity: Collective monography / Ed. by G.B. Vlasov*. Rostov-on-Don: Nauka-Spektr, 2018. 316 p.
18. Polyakov A.V. The deficit of freedom as a political and legal problem // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2018. No. 4. V. 13. P. 37–56.
19. Fedotova Yu.G. National idea as the basis of modern law and order and security of the Russian Federation // *Russian law online*. 2018. No. 4. P. 26–37.
20. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. Sociological study of the prerequisites for the emergence of extremism // *Extremism and its negative impact on Russia's national Security: criminological and economic aspects. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference*. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. P. 78–83.
21. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. The phenomenon of social consciousness as an intentional orientation of research on the problem of extremism. 2015. No. 4 (54). P. 289–293.
22. Rozov N. S. Criteria of humanity of social orders and ambivalence of organizational violence // *Philosophy, science, humanism in the era of global turbulence: Collection of scientific papers of the All-Russian Scientific Conference / Novosibirsk State University*. Novosibirsk: CPI NSU. 2018. P. 248–252.
23. Karabash D.V., Gorbenko A.I., Kubyakin E.O. Antiterrorist security at the municipal level in the conditions of sociocommunicative transformations of Russian society: a sociological analysis. Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 108 p.
24. Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. Sociocultural determinism of individual activity. Analysis of factors of social contradictions // *Philosophy of Law / Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Rostov-on-Don, 2016. No. 1 (74). P. 55–58.
25. Kulikov E.M., Kubyakin E.O., Plotnikov V.V. Extremism as a socio-managerial problem of transforming Russian society // *Society and Law / Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 4 (58). P. 230–234.
26. Khabibulin A.G. Methodological foundations of legal understanding: the unity of legal practice, theory and philosophy of law // *Legal science: history and modernity*. University. St. Petersburg. 2017. No. 9. P. 45–48.
27. Romanovsky G.B. Legal bases of counteraction to terrorism in the countries of Western Europe: problems of theory and practice // *Bulletin of the Penza State University*. 2018. No. 2 (22). P. 50–54.
28. Kuznetsov A.P. Principles of criminal policy // *Society and Law / Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 1 (59). P. 13–17.
29. Kuznetsov A.P. Criminalization-decriminalization, penalization-depenalization as the content of criminal policy // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2017. No. 1 (35). P. 16–18.
30. Romashov R.A. Subjects of legal risk // *Legal technology / Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2019. No. 13. P. 316–319.
31. *General theory of State and Law: Textbook / Edited by S.Yu. Naumov, A.S. Mordovets, and T.V. Kasaeva*. Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics, 2018. 392 p.
32. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V. Moral and legal measurement of the limits of state power // *Law and Modern States / Consulting and Legal Protection of the Population Foundation*. 2015. No. 6. P. 10–17.
33. Tsybulevskaya O.I., Milusheva T.V., Mikhailov A.E., Kasacheva T.V. Scientific and methodological seminar «Methodology of research of problems of restriction of public power» (P.A. Stolypin Volga Institute of Management-branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, October 28, 2014) // *Bulletin of the Volga Region Institute of Management*. 2015. No. 1 (46). P. 127–136.
34. Tsybulevskaya O.I. Review of the book by Lebedeva E.N. *Pravostimuliruyushchaya politika v sovremennoy Rossii: obshchee teoreticheskiy aspekt / Ed. by A.V. Malko*. Saratov: Publisher of the Saratov State Law Academy. 2014. 208 p. // *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2015. No. 2 (47). P. 155–158.